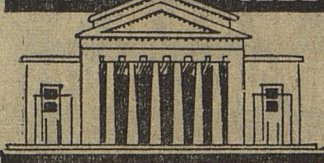


28 МАЯ 1964

КУЗБАСС
г. КЕМЕРОВО

КУЗБАСС

1944 — 1969



ПРИЗНАННЫЙ МАСТЕР

МЫ СИДИМ в скромном кабинете Евгения Михайловича Лугова, главного дирижера театра оперетты Кузбасса. Стол завален нотными листками. Эти листки лежат в одном ему известном порядке — и на пианино, и на тумбочке, и даже на книжном шкафу... Полным ходом идет оркестровка номеров новой оперетты: признанный мастер этого дела Лугов сам оркеструет. Завтра впервые зазвучит музыка, которая пока мирно дремлет в еще не высохших нотных знаках на бумаге. Неторопливо завязывается наша беседа о музыке, о театре, о жизни артиста.

С детства он не только играл на аккордеоне, кларнете, саксофоне и рояле, но и пробовал силы в сочинении. Женя Лугов, двенадцатилетний автор нескольких фортепьянных и ансамблевых пьес, получивших одобрение его сверстников в музыкальном училище при Ленинградской хоровой капелле имени Глинки и преподавателей, вряд ли мог тогда предполагать, что свя-

жет свою творческую музыкальную жизнь с опереттой.

Семнадцатилетним юношей доброволец Евгений Лугов, рядовой музвзвода Красной Армии, защищает Родину не только автоматом, но и музыкой.

— Воевать мне по-настоящему не дали: я попал в музвзвод. Мою песню «Мы — миргородцы» запела вся дивизия. — Лицо его светлеет. — С ней в атаку ходили. А потом за песню меня наградили медалью «За боевые заслуги».

Медаль за песню!

Я смотрю на доброе, улыбающееся личико хитроватой или скорее лукавой улыбкой лицо и стараюсь понять, что же это за человек. И почему Лугов, обладающий яркой музыкальной одаренностью и огромной работоспособностью, почему этот человек делом своей жизни избрал именно оперетту? Может быть, потому, что уже с детских лет его музыкальный дар был отдан людям в прямой, открытой, широкодоступной и захватывающей форме? Где, как не в армейском ансамбле или в театре, так непосредственно музыкант общается со зрителем, слушателем?

Оперетта для него — серьезный жанр. Он с восторгом слушает своих любимых композиторов Бетховена, Шопена, Бородина, Мусоргского. А из советских — Хренникова, Кабалевского, Прокофьева. «Нет ли здесь парадокса?» — спросит читатель. Нет! И не может быть, потому что настоящий музыкант не разделяет музыку на «серьезную» и «легкую», а всегда различает музыку хорошую и плохую, будь она развлекательной или драматической, будь то беззаботный вальс или философское размышление.

И «Фиалка Монмартра», к примеру, и «Героическая» симфония могут захватить слушателя, помочь ему разобраться в сложных эстетических вопросах, в себе са-

мом, могут воспитать хороший вкус и вызвать благородные эмоции! И только безнадежно потерянный для музыки человек может задать вопрос, что лучше — симфония или оперетта.

С этой точки зрения Евгений Лугов перестал быть для меня загадкой. Оперетта для него — та сфера музыкальной деятельности, в которой он чувствует себя наиболее полезным людям.

Мне много раз приходилось видеть его за пультом на спектаклях и репетициях. Воля, собранность, четкость жестов (ведь дирижер управляет не только оркестром — все действие на сцене происходит «по руке» дирижера), то особое чувство ансамбля и тонкую музыкальность, которые создают успех спектакля, — это лишь штрихи, а не портрет дирижера. Согласитесь, в театре дирижер почти незаметная фигура и даже чуть ли не лишняя. Но это с точки зрения не очень подготовленного зрителя. Ведь его внимание приковано к сценическому действию. Иное дело симфонический концерт: все видит фигуру, которая извлекает из оркестра чудесные созвучия, которая как бы создает музыку при помощи красивых пластических жестов. Мы даже на какие-то мгновения улавливаем тончайшие душевные порывы дирижера, и это помогает нам глубже понять музыку, вслушиваться в нее внимательнее. А в оперетте мне иногда было очень жаль, что в какие-то моменты зрители, аплодирующие остроумной шутке на сцене, не видят лица и рук дирижера, усилием воли которого, талантом которого создается то, что глубоко волнует или доставляет настоящее художественное удовлетворение.

У дирижера должны быть выразительные руки, он должен уметь (вовремя!) показать чуть ли не каждому оркестранту, когда и как ему играть. Дирижер должен обладать очень развитым чувством ритма,

чтобы собрать оркестр в единое целое и чтобы это целое стало художественным явлением. Кроме того, он должен быть чутким воспитателем и педагогом. Мне нередко приходилось слышать, что артистам оркестра очень легко играть «по руке» Евгения Лугова. Справедливое признание.

Зная Евгения Михайловича уже несколько лет, я не был особенно удивлен тем, что на зональном смотре музыкальных театров весной прошлого года, а чуть позже на гастролях в Ленинграде и Минске критики единодушно отмечали слаженное звучание оркестра, его мастерство и художественную выразительность. У Лугова оркестр должен звучать хорошо!

Так в чем же суть труда дирижера театра? Зритель видит его лишь гладко причесанного, наряженного в сверкающий фрак с белоснежной бабочкой. Думает ли он о том, что через несколько минут после окончания спектакля человек, только что стоявший за пультом, в изнеможении опустится на первый попавшийся стул и просидит без единого движения минут двадцать... А еще через час этот же человек сядет дома за письменный стол и до глубокой ночи будет писать ноты. Может быть, это будет оркестровка нового номера из будущей премьеры, а может быть, новая песня о нашей земле Кузнецкой... А завтра дирижер Лугов проведет очередную репетицию в театре, а потом он, депутат горсовета, встретится со своими избирателями, а потом, возможно, будет решать кучу дел немusicalного характера у себя в театре.

У театра оперетты — юбилей. И, может быть, заслуженный деятель искусств РСФСР Евгений Лугов, отдавший ему почти восемнадцать лет напряженной творческой жизни, чувствует себя в эти дни самым счастливым человеком. Это — по праву!

Г. ГРИГОРЕНКО.

